

М. А. Давыдов, С. А. Фокин

Раскрепощенное сознание в крепостнической стране: к проблеме мировоззрения М. С. Воронцова

Аннотация: жизнь М. С. Воронцова, одной из наиболее значимых фигур русской истории первой половины XIX в., – яркий пример функционирования свободного сознания в закрепощенном обществе. Основы его мировосприятия были сформированы в Англии, в правовом государстве, обладавшем развитым гражданским обществом. И это априори создавало диссонанс между окружающей действительностью и внутренним миром Воронцова. Многократно он сталкивался с непониманием и осуждением своих поступков по службе и в частной жизни. Внутренне свободному человеку было не просто жить в крепостнической России первой половины XIX в. Самодержавие как вариант деспотического режима во всех социальных стратах воспитывало сознание определенного типа, вытекавшее из организующих принципов деспотии: произвола и страха. Такое сознание в принципе находится вне правового поля и оценивает явления жизни, исходя из дихотомии «безоговорочное господство/ подчинение». Крепостническое сознание стало важным фактором, обеспечившим популярность социалистических идей в пореформенной России на разных социальных уровнях.

Ключевые слова: история, Воронцовы, сознание, свобода, крепостничество, самодержавие, правосознание, эмансипация, права, социализм.

Жизнь графа Михаила Семеновича Воронцова – одной из наиболее значительных фигур русской истории 1-й половины XIX в. – в числе прочих проблем ставит проблему функционирования раскрепощенного сознания в крепостнической стране.

Среди писем Семена Романовича Воронцова к сыну особняком стоит напутственное письмо при отъезде последнего в Россию, написанное в Лондоне 3 мая (21 апреля) 1801 г., т. е. менее чем через два месяца после вступления на престол Александра I. Оно, безусловно, выделяется даже на фоне общего, очень высокого уровня эпистолярной культуры и является своего рода программным документом, в котором один из наиболее выдающихся людей эпохи предельно ясно и точно излагает свой беспощадный взгляд на Россию единственному сыну, который едет туда начинать «взрослую» жизнь, т. е. службу. И это письмо, полагаем, является как бы одним из эпиграфов к дальнейшей деятельности М. С. Воронцова – военачальника и государственного деятеля.

Несомненно, все, о чем пишет Семен Романович, было неоднократно проговорено между ними до того, как Михаил Семенович сел на ко-

рабль. Но мысли любимого отца и старшего друга, – а С. Р. Воронцов сумел установить именно такие отношения с сыном – выраженные на бумаге, которые можно читать не раз, и не два после разлуки, обретают, понятно, иную значимость.

Вот ключевые слова: «Я пренебрег бы долгом отца и друга (поскольку именно так я отношусь к вам за ум и характер, которым наделила вас природа), если бы не дал вам нескольких предостережений насчет того, как стоит вести себя по приезде и во время пребывания в той стране, в которую вы направляетесь.

Она совершенно отличается от той, что вы покидаете, и хотя новое правление делает наших соотечественников счастливее, чем прежде, и хотя, избавившись от наиболее ужасного рабства, они воображают, будто свободны, это не значит, что они свободны, как в других странах (которые (впрочем) то же не знают истинной свободы, основанной на единственной в своем роде (вариант: уникальной) конституции, которой имеет счастье обладать Великобритания, где люди подчиняются лишь закону, перед которым равны все сословия, и где для человека естественно чувство собственного достоинства).

У нас – невежество, дурные нравы как следствие этого невежества и форма правления, которая, унижая людей, отказывая им во всяком возвышении души, приводит их к алчности, чувственным наслаждениям и к самой гнусной низости, и к заискиванию перед любым могущественным человеком или фаворитом государя.

Страна слишком велика для того, чтобы государь, будь он хоть новым Петром Великим, мог все делать сам, без конституции и твердо установленных законов, без независимых судов, чьи решения были бы непреложны. Сама природа правления обязывает его опереться на руководство самого приближенного министра, который становится, таким образом, великим визирем, назначающим в правительстве и на управление провинциями своих родственников, друзей и приближенных, а они, будучи уверены в силе этой протекции и в своей безнаказанности, становятся пашами. Весь двор лежит у ног визиря, а вся империя следует его примеру.

Нация униженная, ослабленная, утопающая в роскоши и долгах, обладает в то же время такой легкостью характера, что она забудет ужас деспотизма, от которого страдала, когда ей разрешат носить круглые шляпы и туфли с загнутым носком.

Вы увидите, как они разговаривают настолько же свободно, насколько были раньше мрачны, запуганы и молчаливы, а поскольку нынешний государь хорош, они считают себя действительно свободными, не задумываясь над тем, что у человека может измениться характер, или что ему унаследует новый тиран. Нынешнее состояние государства есть ничто иное, как приостановленная тирания, а наши соотечественники подобны римским рабам в дни Сатурналий, после которых они вернутся в свое обычное рабство»¹.

Этот хирургически безжалостный и точный анализ рисует картину восточной деспотии, при этом картину не абстрактную, а в высшей степени конкретную – ведь не прошло еще и двух месяцев после убийства Павла I, в заговоре против которого С. Р. Воронцов принимал, так сказать, факультативное участие.

Данные мысли Семена Романовича, как кажется, во многом определяют рамки изначального и во многом трагического конфликта, в котором М. С. Воронцов прожил значительную, по меньшей мере, часть своей жизни, а, возможно, и долее.

Высокоодаренный молодой человек, основы мировосприятия которого были сформированы в правовом государстве, т. е. в Англии, который получил очень важные жизненные впечатления, формирующие личность, в стране, обладающей развитым гражданским обществом, живущей при таком гражданском строе, «где люди подчиняются лишь закону, перед которым равны все сословия и где для человека естественно чувство собственного достоинства», отправился жить и служить в деспотическую страну, которая была *антиподом* той, где он провел детство и юность.

Однако эта «приостановленная тирания» была его Родиной, а населяющая ее «нация униженная, ослабленная, утопающая в роскоши и долгах», подобная «римским рабам в дни Сатурналий, после которых они вернутся в свое обычное рабство» – русским народом, к которому принадлежал и он сам.

И это априори создавало диссонанс между окружающей действительностью и внутренним миром Михаила Семеновича, причем в самых разных сферах. Не раз и не десять в течение своей карьеры Воронцов сталкивался с непониманием и осуждением своих поступков в частной жизни и действий по службе не только со стороны общества, но даже и со стороны людей близких. Они не знали, не понимали, не верили и т. д., что жизнь может быть устроена иначе – даже в тех конкретных российских условиях – а он, благодаря своему отцу, знал, и это знание серьезно усложняло его жизнь.

Человеку, который внутренне свободен, не просто жить в крепостническом обществе, каким была Россия 1-й половины XIX в. А ведь Воронцов не просто жил, он был одним из крупнейших и притом креативных военных и государственных деятелей эпохи!

Не секрет, что даже ближайшие друзья – А. А. Закревский и А. П. Ермолов скептически воспринимали конкретные действия Воронцова по укреплению законности, по изменению патерналистской системы управления войсками, которая была частью общегосударственного крепостнического патернализма, пронизывавшего Россию сверху донизу.

Равным образом это относилось к его участию в «Обществе для освобождения крестьян» и др.² Вот что писал декабрист Николай Тургенев

¹ Архив князя Воронцова. Т. 17. М., 1880. С. 5–6.

² Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М., 2005. С. 85–97, 170–178 и др.

после знакомства с Воронцовым: «Он мне чрезвычайно понравился и потому уж[e], что *понимает и чувствует вещи так, как должно...* Он мог бы быть начинщиком улучшения участи крестьян. И *теперь главная надежда на него. К тому же с ним одним можно говорить здесь об этом так, чтобы обе стороны понимали друг друга. Что касается других, то им надобно еще толковать и доказывать, что рабство несправедливо и что крестьяне не могут вечно оставаться крепостными* (здесь и далее выделено авторами — М. Д., С. Ф.). А это толкование весьма трудно, часто даже остается без успеха». После того, как идея общества была отвергнута, он желчно говорит о критике светом Воронцова, «осмелившегося быть лучше и благороднее их»³.

Хорошо понимая мир, в котором он жил, Михаил Семенович, тем не менее, пытался изменить его в меру своих сил, исходя из своего более широкого понимания.

Вышесказанное, безусловно, требует более пристального внимания к изучению основ мировоззрения М. С. Воронцова, а его конкретная деятельность требует рассмотрения под этим углом зрения. Привычной констатации ее «прогрессивности» уже недостаточно.

Проблема свободного, раскрепощенного сознания в вотчинно-крепостническом государстве, очень важная для понимания личности Михаила Семеновича, далеко выходит при этом за рамки его биографии.

Она делает яснее природу того уродливого зигзага в идейно-общественном развитии пореформенной России, последствия которого не преодолены до наших дней и даже не осознаются многими нашими современниками.

Что имеется в виду?

Не слишком успешная борьба Воронцова за эволюционное изменение окружающей действительности показывает, насколько труден процесс освобождения психики людей от векового наследия крепостного режима, что касается, разумеется, прежде всего, русского дворянства, а затем — остального населения Империи.

Воронцов мог способствовать материальному и культурному развитию и процветанию тех территорий, которыми управлял, а часто и людей, зависевших только от него, и делал это. Однако он был бессилён в борьбе с массовым крепостническим сознанием «благородного сословия», давно

забывшего о «сатурналиях». Бессильными в этом отношении оказались, впрочем, и оба императора, которым он служил.

Напомним, что Монтескье считал, что европейская монархия — это единоличное правление, опирающееся на закон. Ее организующим принципом является честь, носителем которой является дворянство (проще всего этот постулат иллюстрируется «Тремя мушкетерами» и другими романами Дюма). Деспотия — также единоличное правление, однако, основанное на произволе и беззаконии. Здесь организующим принципом выступает страх, причем взаимный, поскольку и подданные боятся деспота, и он, в свою очередь, страшится их ответного насилия. Россию Монтескье относил к деспотиям.

Екатерина II, по понятным соображениям, не соглашалась с ним и утверждала, что самодержавие — специфичная форма европейской монархии, необходимая в силу огромной территории страны. Ясно, что думать так было удобно и для некоторых представителей дворянской интеллигенции (притом, что подавляющее большинство дворян об этих проблемах и представления не имело)⁴.

Между тем, люди, трезво смотревшие на окружающую действительность, прекрасно понимали суть происходившего в стране. В 1802 г., т. е. практически одновременно с приездом М. С. Во-

⁴ Кстати, схожим образом, и в наши дни для массового сознания понятия «самодержавие» и «абсолютизм» практически синонимичны и не часто дифференцируются даже в профессиональном сообществе. Это — результат насильственного внедрения решением Сталина теории общественно-экономических формаций в русскую и мировую историю с 1930 г., породившего перманентную «разруху в головах» наших соотечественников. В результате правление Алексея Михайловича, «всего лишь» проведшего церковную (!) реформу без согласия подданных, в учебниках трактуется как «зарождение абсолютизма», а царствование его сына Петра I, железной рукой проведшего преобразование, изменившие страну, — как «утверждение абсолютизма». Попробовал бы, к примеру, «король-солнце» Людовик XIV («государство — это Я») построить не то, что Петербург, но даже Таганрог, или флот в Воронеже (условные), или выкопать пару каналов петровскими методами во Франции! Учассть Бастилии, надо думать, решила бы тогда намного раньше 1789 г.! В действительности, абсолютизм — это синоним европейской монархии по Монтескье. Это если и не правовое государство, то государство, которое стремится стать таковым. А самодержавие — это и возможность опричнины, и реформы церкви, заставляющей миллионы людей молиться не так, как это делали предки, и преобразований Петра в их громадной сложности, и возможность сделать сотни тысяч человек военными поселянами и многое-многое другое по собственному волеизъявлению правителя. Первый абсолютный монарх в России — Александр II, который начал трансформацию страны в правовое государство! По своей, заметим, воле.

³ Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. С. 174–175.

ронцова в Петербург, М. М. Сперанский писал Александру I следующее: «Ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России... Чего у нас... не достает в самом внутреннем образе правления? Сенат не назван ли хранилищем законов? Дворянство не есть ли урожденный их страж? Нет ли свободных состояний? Купечество, мещанство и самые поселяне казенные не имеют ли своих прав и преимуществ, не судятся ли своим судом и проч. и проч.?»

Вот заблуждение, в которое впадают ежечасно наши площадные политики, когда позволяют себе умствовать о России.

У нас есть все по наружности и ничто не имеет существенного основания. Если монархическое правление должно быть нечто более, нежели призрак свободы, то, конечно, мы не в монархическом еще правлении...

Что такое есть дворянство, когда лицо его, имяние, честь — все зависит не от закона, но от единой воли самодержавной; не от сей воли зависит и сам закон, который она созидает, одна сама с собою? Не может ли она возводить и низводить дворянские роды единым своим хотением? Не она ли созидает суды, определяет высших судей. Не в ней ли весь источник чести и уважения; не ей ли принадлежат по самым словам закона все государственные богатства, все земли, все имущества и право частная собственности; не есть ли право его только дозволенное; владельцы сии не суть ли ее наемники?

Я бы желал, чтоб кто-нибудь показал различие между зависимостью крестьян от помещиков и дворян от государя; чтоб кто-нибудь открыл, не все ли то право имеет государь на помещиков, какое имеют помещики на крестьян своих.

Итак, вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. *я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым* (выделено мною. — М. Д.), действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»⁵.

При этом нет смысла говорить о законности в стране, где ни собственность, ни личность в реальной жизни не ограждены от произвола представителей власти всех уровней, из чего он делал совершенно правильный вывод, что в будущем это

чревато катастрофическими последствиями для престола, народа и страны в целом.⁶

Несложно увидеть, насколько созвучны мысли Сперанского 1802 г. тому, что писал Воронцов-старший в 1801 г.

Сперанский раскрывает то, что имеет в виду Воронцов под «формой правления» «без конституции и твердо установленных законов, без независимых судов, чьи решения были бы непреложны», и то, насколько недалковидны в своем легкомыслии жители страны, когда «не задумываются над тем, что у человека может измениться характер, или что ему унаследует новый тиран».

Отметим также, как двое из умнейших людей эпохи оценивают качество человеческого «материала», который порождает российская политическая система. Да, дворяне свободны относительно своих крепостных рабов-крестьян, но и сами они — рабы верховной власти.

Что это означает?

Мы видели, что характер соотечественников⁷, по С. Р. Воронцову, определяется их невежеством и формой правления. Из невежества, с одной стороны, вытекают дурные нравы, которые, с другой стороны, усугубляются деспотическим режимом. Трудно преувеличить глубину мысли о том, что «форма правления, которая, унижая людей, отказывая им во всяком возвышении души, приводит их к алчности, чувственным наслаждениям и к самой гнусной низости, и к заискиванию перед любым могущественным человеком или фаворитом государя».

Другими словами, всем людям, в том числе и невежественным, считает Семен Романович, свойственно стремление к «возвышению души», что вполне подтверждается мировой историей. Однако деспотическая власть, для которой неприемлемо чувство собственного достоинства в подданных, постоянно унижает их и не дает возможности реализовать этому стремлению. И это, в свою очередь, от противного — от безысходности, от невозможности быть лучше — обращает людей ко всем возможным порокам, «к самой гнусной низости». Трудно сомневаться в том, что, например, масштабное казнокрадство соратников Петра I было, в числе прочего, своего рода компенсацией за то, что он не видел в них людей.

⁶ Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. С. 200–202.

⁷ Нужно ли говорить, что речь не идет о 100 % русских дворян?

⁵ Сперанский М. М. Избранное. М., 2010. С.207–208.

То, что невежество жителей России вполне преодолимо, показывал пример самой семьи Воронцовых. С «формой правления» и ее влиянием на души людей все было куда сложнее...

Деспотический режим формирует у подданных вне зависимости от социального статуса и материального положения сознание, которое мы склонны назвать крепостническим. Такое мирозерцание не представляет окружающий мир как мир, где «люди подчиняются лишь закону, перед которым равны все сословия и где для человека естественно чувство собственного достоинства». Носители подобного сознания осмысливают действительность в дихотомии безоговорочное «господство/подчинение», или «рабовладелец/рабы» и т. п. Они непременно должны кем-то управлять, руководить, командовать. Достоевский гениально раскрыл это в понятии шигалевщины.

Приведенные выше удивительно емкие и в то же время яркие мысли С. Р. Воронцова свидетельствуют об очень важных переменах в психологии лучших представителей русского дворянства, которым еще только предстояло всерьез проявиться в ходе русской истории. В этих строках фиксируется уже зародившийся конфликт между деспотической властью и раскрепощенным сознанием, носителями которого являются пока немногие дворяне, приобщившиеся к идеям Просвещения (Воронцовы, в частности, но не только они), и которое выражается прежде всего в пробуждении чувства собственного достоинства. Важнейшей вехой здесь стало, конечно, появление после 1762 г. первого, а затем и «второго поколения непоротых» русских дворян, из которых вышли многие герои великих войн конца XVIII – начала XIX вв., а также декабристы.

Эти люди уже ясно различали понятия «Государь» и «Отечество». Они уважали себя, уважали свое стремление к «возвышению души» и не были склонны мириться с попытками власти «отказать» им в таковом, унижить их, превратить в бездумных исполнителей своей ничем не ограниченной воли. Таковы были, в частности, М. С. Воронцов, А. П. Ермолов, П. Д. Киселев, И. В. Сабанев, М. С. Лунин и другие. Но не забудем, что ведь А. Р. Воронцов родился в 1741 г., а С. Р. Воронцов – в 1744 г.!

И все же среди русского дворянства они были в абсолютном меньшинстве. Подавляющее большинство вполне устраивало положение «рабов верховной власти», чему не противоречила, кста-

ти, практика дворцовых переворотов. Преторианцы и в древнем Риме – отнюдь не свободные люди. Это рабы, сделавшие бунт доходным ремеслом.

Из эпохи переворотов, которую открыл, напомним, лично Петр I своим Указом о престолонаследии 1722 г., безусловно, во многом вырос непреходящий правовой нигилизм русского общества (и анархический нигилизм пореформенной поры, в частности). В какой еще стране цивилизованного мира более трети века при полном одобрении дворянства могла править персоне, подобная Екатерине II, не имевшая никаких прав на престол?

Русское дворянство веками жило на грани между полным беззаконием вышестоящих и условным подчинением правилам-«понятиям». Не зря Б. Н. Чичерин уже в 1860-х гг. писал, что «мы готовы подчиняться только тем законам, которые мы одобряем». Герцен считал, что «правовая небеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется ей как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно также поступает правительство»⁸.

Но сказанное – не характеристики свободных людей.

Дворянство вполне комфортно чувствовало себя в системе координат, созданной Екатериной II. Ее не устраивали эксперименты Павла Петровича, но, с другой стороны, были неприемлемы и реформаторские тенденции «дней Александровых прекрасного начала».

Собственно говоря, проблема русского консерватизма конца XVIII – начала XIX вв. – это проблема допустимой степени вестернизации деспотического режима. До определенного времени вестернизация не сталкивается с серьезным противодействием. «Осмысленный» консерватизм в России возникает тогда, когда элита начинает ощущать угрозу привычному образу жизни, крепостному праву в первую очередь, – чем бы она не прикрывала свою тревогу.

Примечательно мнение на этот счет А. И. Михайловского-Данилевского, тонкого и пронизательного наблюдателя, сохранившего

⁸ Гершензон М. О. Социально-политические взгляды Герцена. М., 1906. С. 30.

бесценные свидетельства об Александре I, до царствования которого «в России не было общего мнения: прежде его опасались у нас произносить слова правительство и отечество, тем менее еще рассуждать об оных, равно и об своем монархе». В своем «Журнале за 1815 г.» Михайловский-Данилевский сообщает, что император неоднократно заходил в дома швейцарских крестьян: «Душа его, конечно, страдала, когда он сравнивал состояние вольных швейцарских поселян с нашими крестьянами. Сердце Государя напитано свободою, если бы он родился в республике, то он был бы ревностнейшим защитником прав народных. Он первый начал в России вводить некоторое подобие конституционных форм и ограничивать власть самодержавную, но вельможи, окружающие его, и помещики русские не созрели еще до политических теорий, составляющих предмет размышлений наших современников. Он не мог сохранить привязанности к людям, которые не в состоянии ценить оснований, содействующих общества счастливыми (выделено мною. — М. Д.). От сего происходит, может быть, неуважение его к русским, предпочтение иностранцев и, что мне даже страшно думать, — некоторое охлаждение к России, которая монарха своего до сих пор в полной мере не умеет ценить. Признаемся, что не он, а мы виноваты. История показывает нам, что в прочих государствах народы требовали от своих правительств прав своих и принуждены были вступать с ними в состязание, а у нас, напротив того, Государь желал возратить нам оные, но никто его не понимал; напротив, многие на него роптали»⁹.

В 1816 г. Михайловский-Данилевский сопровождал Александра I в поездке по России. Он, в частности, пишет, что император «с поляками обращался ласковее, чем с русскими, что происходит не от душевного к ним расположения, а от политических видов, ибо он желает искоренить вековую вражду, существующую между двумя народами, соединенными, наконец, его победами под одну державу... Русские обижаются мнимым предпочтением государя к полякам, но нельзя не признать, что, по крайней мере, в настоящем путешествии оно весьма извинительно, даже и кроме политических причин.

Мы проехали от Петербурга до Волынской губернии большое пространство России и нахо-

дили только одно разорение и жалобы, а не успели мы вступить в польский край, как все облеклось в радостный вид. Например, в Житомире, который есть весьма посредственный губернский город, представлялось императору до двухсот человек дворян, в то время как в самой Москве было только сорок два дворянина при представлении. Губернский предводитель в Житомире, молодой граф Илинский, произнес прекрасное приветствие его величеству, в то время как предводители в семи великороссийских губерниях не могли при государе отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они более являли из себя метрдотелей, занимавшихся угощением, нежели представителей дворянства. У одного из них император спросил, почему он не был на смотре войск, происходившем поутру. — «Я распоряжался столом для вашего величества», — отвечал предводитель. Самые отличные люди, которых я нашел в семи великороссийских губерниях, как по поведению своему, так и по образованию, были архиереи; зато и император оказывал им особенное внимание, принимал их в кабинете и за обедом сажал их возле себя по правую сторону»¹⁰. А ведь предводители губернского дворянства — очень важные люди в то времени, их и было менее 50-ти человек на всю Империю!

Большинство дворян не ощущало свою зависимость от престола как нечто дискомфортное, поскольку это, в свою очередь, делало их повелителями крепостных и подначальных. Так, в частности, проявляется крепостническое сознание. А крестьянство, понятно, и не могло иметь иного сознания!

По существу, в массе дворяне оставались в этом положении до 1861 г. Разве иначе мог бы Александр II заставить помещиков освободить крестьян, да еще с землей, которая в 1785 г. была торжественно «навечно» провозглашена частной собственностью дворянства?

Однако и после обнародования Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. крепостническая психология большинства населения страны, разумеется, никуда не исчезла.

В. О. Ключевский, характеризуя данные сюжеты, писал: «Крепостное право было скрытой пружиной, которая двигала и давала направление

⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 146, 307.

¹⁰ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. IV. С. 59–60.

самым различным сферам народной жизни. Оно направляло не только политическую и хозяйственную жизнь страны, но и *положило резкую печать на жизнь общественную, умственную и нравственную...* Целое столетие, с манифеста 18 февраля до манифеста 19 февраля, общественное, умственное и нравственное развитие [происходило] под гнетом крепостного права и пройдет, может быть, еще целое столетие, пока наша жизнь и мысль освободится от следов этого гнета»¹¹.

Как выяснилось, за это столетие страна лишь заново пережила новое и более страшное крепостное право, искалечившее души тех, чьих близких родственников оно не успело уничтожить.

Историография не дает внятного ответа на вопрос о причинах эпидемического распространения социалистических идей в пореформенной России, захватившего все слои общества, и — в огромной степени — дворянство. Специально подчеркнем, что речь идет не о «платонических, а потому и безобидных петрашевцах» (К. Ф. Головин), а о тех, кого «воспитали» Герцен и Чернышевский. Имеющиеся объяснения этого феномена не во всем кажутся удовлетворительными.

Между тем, одним из мощных факторов здесь, полагаем, был тот факт, что для тысяч и тысяч умеющих читать жителей России социализм стал формой компенсации их крепостнического в своей основе сознания. Оно было лишь слегка трансформировано либо красивыми сказками об утопии, либо охранительными декларациями об устоях отечественной самобытности, потому что социализм (разумеется, в варианте Бисмарка, а не Маркса и тем более не Ленина) не слишком тайно исповедовался и российской бюрократией, о чем, разумеется, и народники и остальная оппозиция ревниво не упоминали. О советской историографии и говорить нечего.

Суть социализма — принуждение и насилие над человеческой природой, декорированные привлекательными фантазиями о светлом будущем человечества, — практически совпадала по форме и по содержанию с крепостным правом, стержнем которого была уравнильно-передельная община. Ее-то в полном противоречии с элементарным здравым смыслом одни вдруг вообразили «ячейкой» нового социального строя, а другие — оплотом застойной квазистабильности (которая не подразумевала сохранение за Россией статуса великой мировой державы).

Социализм удивительно естественно наложился на такие коренные особенности психологии и мышления российского дворянства (не говоря уж о разночинцах), как крайне низкий уровень правосознания, как восприятие народа (крестьян ли, солдат ли — неважно!) чем-то средним между людьми и скотом (С. Ю. Витте), «полудетьми», «которых следует опекать», которыми нужно руководить и т. д. Вопрос заключался в том, кто будет управлять миллионами крестьян — «передовая» интеллигенция или правительство?

Со времен Александра I в пореформенное время ситуация изменилась только с внешней стороны. Тогда пресловутое «англофильство» Воронцова окружающим было проще воспринимать в рамках привычки к «англизированным» лошадям, вышколенной прислуге и «пятичасовому» чаю, т. е. как более или менее простительное чудачество. Когда же речь заходила о его стремлении ввести в определенные рамки дисциплинарную практику в войсках, обучении солдат грамоте, понимании того, что чем раньше начнется процесс освобождения крестьян от крепостного права, тем больше выиграет страна и др., то они трактовались как результат злонамеренного иностранного влияния — воспитанием вдалеке от родных конюшен, где пороли крепостных, польской женой («видно, польская нация его преобразовала») и т. п. Равным образом, и декабризм воспринимался как следствие «французской болезни». Все, что выходило за рамки привычного рабства — чужое и чуждое.

Что и говорить, очень удобный способ интерпретации нежелательных явлений! И к тому же «вечнозеленый», переживающий в наши дни, кстати, пятую (двадцать пятую?) молодость!

«Наше», «самобытное» — это когда жизнь интерпретируется в рамках традиционного патернализма. Трудно, кстати, спорить с тем, что самым лаконичным его определением является «вот придет барин, барин нас рассудит». В роли «барина», понятно, может выступать любая вышестоящая инстанция. Однако не следует забывать и Н. М. Карамзина: «В России Государь есть живой закон; добрых — милует, злых — казнит... наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает детей без протокола, так и монарх в иных случаях необходимо должен действовать по единой совести»¹². Други-

¹¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 134.

¹² Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. С. 205–206.

ми словами, все, что предполагает свободную личность, это — «не наше»!

После 1861 г. выяснилось, что желания царя сделать своих подданных свободными недостаточно. Нужно, чтобы сами подданные хотели стать свободными людьми.

В пореформенное же время людей, которые, цитируя К. Ф. Головина, не имели «домашнего идола Маркса»¹³, создателя стройной теории самого законченного рабства в мировой истории, воспри-

нимали как безнадежно отсталых реакционеров и консерваторов.

Именно крепостнические настроения правительства и интеллигенции, которая боролась с ним только за право управления крестьянами, позволили искусственно законсервировать общинный строй, не дав возможности в полной мере реализоваться потенциалу Великих реформ, отложив их завершение до времени П. А. Столыпина, встречавшего в обществе почти такое же непонимание и отторжение, как и М. С. Воронцов за 85 лет до него.

¹³ Головин К. Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика. (К вопросу об экономическом материализме). СПб., 1896. С. 9.

Список литературы:

1. Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М., 2005.
2. Давыдов М. А. Бюрократия, интеллигенция, патернализм и социализм в пореформенной России // Бюрократия и бюрократы в России XIX и XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2008.
3. Давыдов М. А. Столыпинская аграрная реформа как разрыв патерналистской традиции // Международные Лихачевские научные чтения «Диалог культур и партнерство цивилизаций». СПб., 2008.
4. Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010.
5. 19 февраля 1861 года и судьбы российской деревни // Великая крестьянская реформа 1861 года и ее влияние на развитие России: Сборник докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию отмены крепостного права: Изд-во РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева. Место, год изд.
6. П. Д. (Дюшен П. П.) Русский социализм и общинное землевладение. М., 1899.
7. Сперанский М. М. Избранное. М., 2010.
8. Чичерин Б. Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1901.
9. Чичерин Б. Н. Вопросы политики. М., 1904.
10. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. I–IV. СПб., 1904.

References (transliteration):

1. Davydov M. A. Opozitsiya Ego Velichestva. M., 2005.
2. Davydov M. A. Byurokratiya, intelligentsiya, paternalizm i sotsializm v poreformennoy Rossii // Byurokratiya i byurokraty v Rossii XIX i KhKh vekakh: obshchee i osobennoe. Materialy XII Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. M., 2008.
3. Davydov M. A. Stolypinskaya agrarnaya reforma kak razryv paternalistskoy traditsii // Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya «Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy». SPb., 2008.
4. Davydov M. A. Vserossiyskiy rynok v kontse XIX - nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika. SPb., 2010.
5. 19 fevralya 1861 goda i sud'by rossiyskoy derevni // Velikaya krest'yanskaya reforma 1861 goda i ee vliyanie na razvitie Rossii: Sbornik dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu otmeny krepostnogo prava.: Izd-vo RGAU-MSKhA im. K. A. Timiryazeva. (место и год изд.)
6. P. D. (Dyushen P. P.) Russkiy sotsializm i obshchinnoe zemlevladienie. M., 1899.
7. Speranskiy M. M. Izbrannoe. M., 2010.
8. Chicherin B. N. Rossiya nakanune KhKh stoletiya. Berlin, 1901.
9. Chicherin B. N. Voprosy politiki M., 1904.
10. Shil'der N. K. Imperator Aleksandr Pervyy. Ego zhizn' i tsarstvovanie. T. I–IV. SPb., 1904.